

Сергей Новоселов

ЭТНОСЫ И МИР

Сергей Новоселов

Этносы и мир

«Автор»

2026

Новоселов С. В.

Этносы и мир / С. В. Новоселов — «Автор», 2026

Как формируются народы? Какова роль этничности в мире? Что такое менталитет? Как сохранять культуру в современном мире? В чем ценность этнических культур? На эти и другие вопросы ответит книга "Этносы и мир", в которой автор, пользуясь научной методологией, приводя научные доводы и ссылаясь более чем 100 источников, раскрывает основные свойства и описывает основные аспекты этничности. Основное внимание уделяется проблеме менталитета и этнической психологии, но также затрагиваются и многие другие вопросы. Основой книги послужило исследование Испании, но книга содержит интересные примеры и из множества других культур.

© Новоселов С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предисловие	5
Глава I. Менталитет	7
Глава II. Менталитеты в разных странах	32
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Новоселов

Этносы и мир

Предисловие

Я решил написать этот труд, потому что, как мне кажется, мои научные выводы и просто мысли смогут сделать вклад в такую скромную, часто незаметную, но бесконечно красивую науку – этнологию. Действительно, слово «этнология» звучит совсем не часто, если сравнивать частоту звучания наименований других наук, например, истории, социологии или культурологии. Исходя из этого маленького сравнения можно сказать, что этнология сегодня – наука совсем небольшая. В то же время этнология рассматривает важнейший социальный организм – этнос. Пусть популяризация этнологии станет вкладом автора в развитие социальных и культурных наук.

Настоящая книга несет в себе несколько целей.

Во-первых, она даст возможность читателям ощутить само понятие «этнос», насколько на самом деле это деликатный, сложный, интересный и влиятельный организм. Возможно, уникального в плане описания этноса как организма в моей книге будет не очень много, но, по крайней мере я покажу этничность в целом массовому читателю так, как она показана лишь в немногих научно-популярных трудах.

Во-вторых, на протяжении всей книги мы будем приводить научные доводы в пользу существования менталитета. Пускай я далеко не первый, кто занимается этим вопросом, и я только дополню существующие концепции замечаниями со своей стороны. Особенность моей книги будет в том, что я покажу работающие механизмы естественного и искусственного изменения менталитета и тем самым докажу, что менталитет – это всё же не та сущность, которая дана раз и навсегда. В основном речь по этому поводу будет идти на базе испанистики, поэтому центральным примером первой части будет Испания.

Третьей целью этой книги я вижу свою попытку рассказать читателям о той этнической палитре, которой располагает наш огромный мир. Моей задачей является не только помочь людям понять, зачем нужно сохранять этническую уникальность, но и предложить своё собственное видение того, как можно совместить самобытное, этническое, традиционное с современным, комфортным, технологическим. Мы попытаемся нейтрализовать стереотип о том, что та самая самобытность малых народов способна сохраняться только в изоляции и провинциальной бедности или в условиях защиты при срабатывании древнего инстинкта территории только в критический момент, ведь я верю в то, что в современном мире можно найти место народному.

Стоит только задуматься о том, какое вокруг нас невысказанное разнообразие культур, что стоит только их хаотично поставить рядом друг с другом, сразу создается совершенно неошибочное впечатление, будто культурная мозаика планеты Земля умело пестра и тем более эстетически прекрасна, чем более кусочки этой мозаики отличнее друг от друга. Исходя из этого интереса, я ставлю четвертую цель: проведение классификации культуры страны (на примере Испании) по принципу наполненности её региональностью, исконностью, народным духом.

В исследовании мы будем пользоваться непосредственно научными методами наблюдения (для описания разного рода этнических процессов), сравнения (для определения специфики разных культур и менталитетов), а также предлагаемого нами метода этнического психоанализа (для глубинного исследования менталитетов), который заключается в том, как мы подобно практике психиатра, работающего с пациентом в кабинете, берем какие-либо фено-

мены культуры этноса и находим им причину в коллективной психологии, обусловленной исторически и выраженной бессознательно.

Часто мы будем пользоваться социологическим методом, предложенным Э. Дюркгеймом (наблюдение, обнаружение закономерностей, выявление причинно-следственных связей, исследование социального факта). Нам представляется совершенно верным следовать следующим правилам. Мы будем: 1) сравнивать целые классы явлений и образов поведения, чтобы можно было более объективно их устанавливать; 2) находить причинные связи и законы между этими социальными (в нашем случае этническими) явлениями, 3) проводить сравнения, сопоставления.

Эта работа, направленная на массового читателя, предлагает в сравнительно общих чертах взглянуть на многосложный механизм под названием «этнос». Мы заглянем в разные разделы нашей науки, чтобы осознать эту многогранность.

Итак, я надеюсь, моя книга сможет совершить то, о чем мечтает преданный исследователь, а именно популяризацию самой науки и выраженных здесь мыслей.

Глава I. Менталитет

Что такое менталитет?

Начиная рассуждения о психологии народа, его «духе», необходимо определиться со смыслом, который мы вкладываем в понятие менталитета. Но перед этим стоит разобраться с двумя наиболее популярными точками зрения насчет существования менталитета. Есть еще третья, но мы рассмотрим её несколько позже.

Первая из них гласит, что менталитет – это данное нации или народу/ этносу раз и навсегда «глубинное бремя» или, если угодно, «глубинная сущность», устанавливающая историческую судьбу общества и не подлежащее изменению. Данная точка зрения не выдерживает критики, так как объяснение тех или иных проблем страны или народа магическим предназначением в корне ненаучно. Мы не можем в век высоких технологий и развития нейробиологии объяснять поведение людей чем-то «данным сверху или» появившимся из ниоткуда. Более того мы видим на конкретных примерах, что некоторые народы, долго жившие в одном состоянии, постепенно переходили в другое, в третье качественное состояние или дальше. Так, известно, что Франция не находилась на протяжении всей своей истории при невыносимом гнёте абсолютизма, как это было при Людовике XIV. В истории французской нации были периоды неостановимого стремления к свободе и равенству и к установлению либерального режима.

Второе наиболее популярное мнение говорит нам о том, что менталитета вовсе не существует. Некоторые из последователей этой второй теории даже воспринимают человека как «чистый лист бумаги». Иные всё же признают национальный характер. При этом, под национальным характером они подразумевают такие внешние признаки народа, как, например, активная жестикуляция итальянцев или склонность немцев к педантичности. В целом, защитники этой точки зрения считают, что нет менталитета, а есть культура. А культура, в свою очередь, подлежит изменению, а значит, с внедрением новой культуры, можно изменить ход истории страны. Чаще всего в качестве подтверждения этого мнения социологи и политологи обращаются к Сингапуру, который долгие века был отсталой аграрной страной, а стал передовой державой высочайшего уровня, потому что принял западные ценности, т. е. новую культуру; или к другим странам с подобной судьбой. Учитывая отсутствие магического содержимого в этом подходе к вопросу, мы можем сказать, что для этнолога он представляет больший интерес, нежели первый подход. Однако ниже я приведу доводы, почему и второе мнение скорее является ошибочным.

Историография этой проблемы сравнительно невелика. Так называемая «душа народа» интересовала людей с Античности, однако ни тогда, ни в Средневековье этот интерес не уходил дальше того, что мы называем сегодня этнографией и философией. Гораздо глубже феномен «национального духа» был рассмотрен в Эпоху Просвещения Ш. Монтескье¹, пришедшем к национальному духу от сравнения национальных характеров, сформированных под влиянием климата, нравов, условия проживания и др., Г. Гегелем², признававшим его выражение в искусстве и религии³, А. Гумбольдтом, признававшим его выражение в языке.

Вообще, менталитет исследователи по большей части определяли и определяют то как модель мира, присущую сознанию (Ф. Граус), то как набор мыслей и навыков народа, то как сложную картину миру (А.Я Гуревич)⁴, то как стереотипы действий, а то и вовсе как внешние характеристики наподобие степени приветливости, отзывчивости или медлительности. С другой стороны, многие не забывали и не забывают и про уровень глубинной психологии.

¹ Кузнецова Е. В. "Самоопределение народа: национальный менталитет". Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки, № 2 (22), 2011, С. 80–85.

² там же

³ Там же

⁴ Хромова Е.Б. "О некоторых подходах к исследованию феномена «Менталитет» в социально-гуманитарном знании" Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, № 1, 2017, С. 223–232.

Сильнейшим вкладом в изучение духа народа можно считать работы Г. Лебона, уже четко назвавшим этот самый народный дух бессознательным опытом, накопленным народом/нацией. Лебон доказывает наличие этой движущей силы, рассматривая психологию разных наций, особое внимание уделяет цикличности французской истории. Цикличность он связывает с тем, что народ выбирает себе такое правление и такой порядок вещей, какой ближе ему по «духу», сформировавшемуся в ходе народной истории⁵.

Пьер Ларусс рассматривал менталитет как целый комплекс, состоящий из паттернов поведения, привычек, убеждений группы людей. Менталитет здесь – это склад ума и система мировосприятия⁶.

Наличие менталитета доказывается и таким открытием Э. Дюркгейма как социальный факт. В «Правилах социологического метода» Дюркгейм представляет социальный факт как массовый образ действия, оказывающий на индивида внешнее принуждение⁷. То есть, этот образ действия принят массово во всем обществе. Следовательно, масса как социальный организм существует. И если социальные факты (по той же терминологии Дюркгейма) устоялись, они есть составляющие менталитета (уже по нашей терминологии).

Среди отечественных исследователей особо интересен И. Г. Дубов, который считал, что менталитет – это понятие психологическое и что он состоит как их архетипов коллективного бессознательного, так и из взглядов и ценностей народа, что в совокупности направляет народ к определенной и уникальной системе убеждений и склонностей⁸. Пожалуй, этот взгляд нам наиболее близок.

⁵ Лебон, Гюстав, Психология народов и масс. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 384 с.

⁶ Хромова Е.Б. "О некоторых подходах к исследованию феномена «Менталитет» в социально-гуманитарном знании" Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, № 1, 2017, С. 223–232.

⁷ Дюркгейм, Эмиль, Правила социологического метода. – М., 2021 – 384 с.

⁸ Хромова Е.Б. "О некоторых подходах к исследованию феномена «Менталитет» в социально-гуманитарном знании" Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, № 1, 2017, С. 223–232.

А. А. Мельникова, Г. Д. Гачев В. К. Трофимов, Т. Г. Стефаненко уделяли много внимания понятию «национальный характер» или «социальный характер». Гачев, а также Н. С. Южалина говорили о трудности изучения этих сущностей из-за их иррациональности. О. Н. Стрельник тоже определяет менталитет, как нечто глубинное (подсознание культуры)⁹. Мы, развивая мысль, намерены с этим согласиться, так как культура является лицом этноса – народа. В культуре проявляется национальный характер и всё коллективное бессознательное. Оно сказыва-

ется на типе узоров на коврах, на мотивах в архитектуре, на образах в литературе и даже в музыкальном ритме. Эта внешняя часть сама по себе этникосом (подробнее – ниже) не является, а является его продуктом. Внешняя культура может менять свой вид, но суть культурных явлений – её символизм – обычно остаются прежними.

Для ответа на вопрос, что же такое менталитет, нам стоит обратиться к одной из дисциплин, составляющих этнологию – к этнопсихологии. Этнопсихология, которую мы будем вести рука об руку с классическим психоанализом, должна объяснить нам, почему у одних народов та или иная вещь получается лучше, а у других – хуже, почему в одной стране рынок развит сильнее, а в другой – слабее, и как глубинная смесь нашего бессознательного оказывают влияние буквально на всё: от узора французских балкончиков до снов, которые видят только жители определенной части света¹⁰.

Мы знаем, что психолог способен вывести наружу тайные, скрытые, бессознательные проблемы, травмы детства, вытесненные переживания, «вытянуть» из коры головного мозга «тёмные тайны». Делается это с помощью анализа снов, почерка, случайных жестов клиента психолога. Это доказал К. Юнг. Помимо индивидуального бессознательного признаётся и коллективное, рассмотренное К. Юнгом в его трудах. Прежде всего это набор коллективных архетипов, общих для всего человечества, а также характерных для конкретной культуры и берущих начало в фольклоре¹¹. Он показал своеобразную наследуемую структуру мозга. Это поможет нам уже в нашем исследовании.

⁹ там же

¹⁰ Юнг, К., Проблемы души нашего времени. – СПб.: Питер, 2020. – 416 с.

¹¹ Юнг, К., Проблемы души нашего времени. – СПб., 2020. – 416 с.

Заметим, что коллективная психология, должно быть, была необходима для эволюции человеческого вида, объединявшегося в группы для совместной деятельности, которая в своих специфических условиях требовала психологической основы, различения «мы – они» и коллективной гармонии. Позднее это развилось в целые психологические системы, которые для нас также представляют интерес как аспекты менталитета.

Предлагаемый здесь подход в этнологии – это исторический анализ психологии народа. Для уточнения объекта исследования отметим вот что: конечно, наличие во сне француза древнегерманских символов психолог и этнолог могут объяснить тем, что далекие корни этого француза скорее всего связаны с германскими племенами, которые однажды в ходе смешения этносов в определенной области внесли свой вклад в этнический код. Но вряд ли всего-навсего древние мифы способны сотворить такие разительные отличия немецкой и французской моделей общества. Что если нам найти тогда что-то более влиятельное? И мы находим это что-то более влиятельное. А именно – бессознательные пласты, наложенные друг на друга в ходе этнической истории и осевшие в коллективном бессознательном. Подобно индивидуальным переживаниям, переживания, произошедшие в биографии народа, входят в бессознательное.

Здесь и можно выдвигать теорию о том, что именно эти пласты (вместе с прочими сознательными установками) и являются тем самым менталитетом. Мы признаём существование менталитета как мы признаём архетипы, осевшие в народной памяти, как что-то, что определяет жизненный путь народа, и как мы признаем его ценности и стереотипы поведения. А национальный характер, в таком случае – это выражение менталитета в психологических чертах. В некоторых случаях, понятия даже могут быть тождественными.

При этом мы признаем, что менталитет можно изменить. Ведь что мешает нам в теории наложить еще один бессознательный пласт? Разве то только, что такие пласты формируются десятилетиями, столетиями, отчего этникос – то самое бессознательное ядро в «душе» народа

– настолько неповоротлив. Ведь коллективный опыт поколений, исходящий из стремлений и надобностей разных эпох, накапливается очень медленно. Необходимы регулярные повторения того, что социумом осознаваемо, чтобы это осознаваемое стало автоматическим, иначе говоря, стало бессознательным. Этим объясняются ситуации, когда та или иная страна повторяет социально-культурные и политико-экономические циклы в течение долгого времени. В первую очередь именно этим задается бытовой курс, пишется народный код и устанавливается набор психологических стандартов.

Это, что важно отметить для продолжения рассуждения, выражается уже даже в восприятии людьми терминов, ведь из-за менталитета каждый народ или каждая нация понимает различные институциональные термины по-своему. И мы говорим не о понимании лексического значения, например, слова «демократия». Его все понимают одинаково. А о том, как этот институт воспринимается психологически и как он применяется данным народом. Имея большой бессознательный опыт, каждый народ, принимая новый институт понимает его по-разному и подстраивает его «под себя». Именно поэтому официальная демократия в Испании и в Алжире так сильно отличаются на практике. У Испании есть давний опыт демократии, пускай и часто прерываемый. В Алжире же давняя традиция авторитарности не позволяет официальной демократии стать фактической. Если спросить у большинства людей в Испании и в Саудовской Аравии, как они понимают слово «монарх», результаты тоже будут отличными. Для испанцев король – это символ страны, и власть его ограничена парламентом, а для саудитов монарх – это всемогущий авторитарный повелитель.

Для исследования менталитета того или иного народа необходимо провести анализ этногенеза. Мы должны знать жизнь этноса в биографическом смысле. Так же, как психолог исследует психику человека, начиная с изучения самого его детства. Мы намерены, согласуясь с теорией Клода Леви-Стросса, заниматься структурализмом – выявлением и изучением моделей, составляющих структуру социальной статики¹².

¹² Леви-Стросс К., Структурная антропология. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.

Модели эти мы намерены искать в тех самых исторических пластах. В бессознательное необходимо заглянуть еще и потому, что, как пишет Леви-Стросс, осознанные модели обособляются, но не объясняют культуру¹³. А нам нужно её именно объяснить.

Хорошо закрепленными на бессознательном уровне установками можно считать те, которые выражаются и в других сферах данного общества, хотя и необязательно во всех.

Итак, наш метод – это анализ истории страны и бессознательных исторических пластов этнического менталитета для объяснения, почему данная страна функционирует и самовыражается так или иначе и почему это так сложно или порой невозможно поменять. А поскольку наше исследование – это во многом поиск исторического источника проблем или расстройств, то подвести итоги исследования – это всё равно что «поставить диагноз». «Симптомы» видны в институтах и художественном самовыражении этноса. Предложить решение этих проблем – это всё равно что выписать лекарства и назначить определенные процедуры. Назовём это этнической психиатрией.

Учитывая, что у всех народов без исключения есть особенные «проблемы», то «пациентами» можно признать их всех. И мы это утверждаем не из ненависти к этносам, а, напротив, из-за симпатии к ним. Пользоваться «лечением» или нет – личное дело каждого пациента-этноса. И вообще назначение такого лечения невозможно без оценочного суждения, поскольку нужно четко сказать, почему предложенное лучше. Да и вообще каждый народ имеет право на самобытность. Детали эти сути метода, однако, не меняют. Таков наш подход к работе с этносом.

Еще одно обстоятельство, которое необходимо подчеркнуть, заключается в том, что для нас менталитет не является единственной определяющей сущностью. Помимо него на форму реальности, очевидно, оказывают влияние исторические, экономические, экологические и многие другие факторы – как стабильные, так и факторы эпохи.

¹³ Леви-Строс К., Структурная антропология / Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с. (Серия «Психология без границ»)

Мы рассматриваем менталитет как один из сильнейших факторов в ряду множества определяющих. И мы призываем читателя помнить об этой детали на протяжении всего прочтения книги. В дальнейшем при описании каких-либо явлений реальности мы будем в первую очередь обращать внимание на менталитет, что не означает непризнание нами иных определяющих.

Ниже мы подробнее рассмотрим этногенез Испании. Лишь слегка прикоснувшись к её истории, мы увидим, насколько сложна и неоднородна эта страна в контексте менталитета, а также проследим процесс накопления коллективного опыта этой нации.

Исторические пласты Испании

В этой части мы уделим не так много внимания самым ранним культурным пластам Испании, поскольку эпоха палеолита или неолита не оказывает серьезного влияния на политические, социальные и экономические институты современной нации хотя бы потому, что она сильно закрыта многослойной эволюцией рассматриваемой страны. Это касается и других старых народов или наций со многоуровневой структурой пластов. Вопрос первейших культурных пластов – это вопрос скорее антропологии, археологии и этноархеологии, чем социальной этнологии.

Нет необходимости подробно рассматривать первейший этап в истории Испании, который подарил «иберийскую традицию». Это, можно сказать, базовая аграрная традиция иберийских племён, это есть субстрат. Эта эпоха, на первый взгляд, не представляет особого интереса для данного исследования, потому что её протекание мало отличается от образа жизни других племен Европы III–I тысячелетия до нашей эры. При этом помимо осевших в темной области бессознательного архаических символов эпоха дала две важные черты будущих испанцев. Во-первых, суровый жаркий, местами полусухой климат породил довольно темпераментный, протестный и несколько пессимистичный характер местных, который затем выразится в эмоциональной танцевальной, музыкальной и живописной культуре страны. Во-вторых, постоянно сопротивление климату и раннее начало горнодобычи и борьбы за неравномерно расположенные ресурсы составляло свободолобивый и индивидуалистичный национальный характер^{14 15}.

Следующий пласт может составлять кельтская эпоха. При этом кельты были распространены по всей территории Западной Европы, и в этом плане не выделяют историю Испании. К тому же эта эпоха длилась сравнительно недолго и закончилась в I тысячелетии до н. э. Однако помимо образования новой «кельтиберийской расы» после смешения кельтов и иберов и подаренного кельтами нового язычества и моды на увеличение своей территории, была дана и другая вещь – родоплеменная и клановая классовая система. Это важно отметить, так как именно такая система могла положить начало развитию кумовства, настолько характерного странам юга. Можно возразить и сказать, что кельтская система слишком древняя, чтобы проявляться в общественной жизни до сих пор. Однако далее мы покажем, что новый заряд кумовству дадут последующие пласты традиций. Кельтский характер также оставил отпечаток на психологии

испанцев. Кельтские мечтательность, фаталистичность, утонченность и поэтичность вместе с иберийской экспрессией¹⁶ также вместе стали основой испанского национального характера и духа испанской культуры.

Третий этап можно назвать «греко-финикийским пластом» из I тысячелетия до н. э. Как эгейская цивилизация, осевшая на северо-востоке современной Испании, так и финикийская, контролировавшая юг, дали пиренейским народностям высокую античную культуру, организацию по типу «города-государства», языковые отпечатки, ввели полуостров в активную торговлю, а греки и вовсе принесли демократическую модель и идеи философского гуманизма.

¹⁴ Л.М. Коротких, Древняя история Пиренейского полуострова: формирование иберийской культуры. Воронеж, 2003.

¹⁵ Мансурова В. В. "Социально-экономические факторы формирования идентичности (по материалам истории Испании)" Теория и практика общественного развития, № 11, 2013, С. 368–371.

¹⁶ Хорева Л.Г., Испанская картина мира и её отражение в архетипе безумия в испанской литературе // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 3. С. 96 – 101.

Невозможно не согласиться, что именно третий этап впервые ввел Испанию в классическую западную цивилизацию^{17 18}. Интереснее всего здесь заметить привнесенную греками и финикийцами систему городов-государств. Могла ли она осесть в Испании и стать первопричиной вечного стремления испанских регионов к самостоятельности, включая сегодняшний день, когда автономные сообщества получают все больше уступок от Мадрида и ведут страну к федерализму де-факто? Отвечая на этот вопрос, мы не должны забывать, что в самой Греции система городов-государств вымерла. Выходит, она не повлияла и на будущее Испании? Действительность сложнее, и в дальнейшем мы увидим подобные системы автономности при других цивилизациях, надолго пришедших в Испанию. Тогда, будучи продленной, система самостоятельности и независимости областей от какого-либо центра действительно могла быть заложена греками и финикийцами, а позже пришла к своему возрождению. Испанская децентрализация проявлялась даже при абсолютизме XVI века, что доказывается присутствием комунерос в политической жизни страны в тот период, а также тем, что отдельные города являлись сами по себе торговыми силами и весомыми политическими единицами. В той или иной степени такое устройство прослеживается почти во всей испанской истории¹⁹.

Далее особого внимания заслуживает этап, который мы назовём «римским» (I тысячелетие до н. э. – I тысячелетие н. э. Именно годы пребывания Испании в составе Римской республики и затем империи стали ключевым периодом в формировании испанского общества как безусловно западного и европейского (даже учитывая, что жители районов в Кантабрийских горах не были латинизированы и получили не так много влияния). Собственно, многие европейские страны получили от Рима то, что мы сейчас перечислим. Здесь опять Испания не выделяется среди стран Западной Европы, но обойти римский период невозможно, так как он является важнейшим в европейской истории.

¹⁷ Лалагуна, Х., Испания: История страны / Хуан Лалагуна: (пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова). – М.: Эскимо; СПб: Мидгард, 2009. – 352 с.: ил. – (Биографии Великих Стран).

¹⁸ Циркин Ю. Б., История Древней Испании / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор- История, 2011. – 432 с., ил.

¹⁹ Лалагуна, Х., Испания: История страны / Хуан Лалагуна: (пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова). – М.: Эскимо; СПб: Мидгард, 2009. – 352 с.: ил. – (Биографии Великих Стран).

Что дал Рим Испании? Во-первых, четко организованный институт высокого права. Именно достойные суды, права человека, порядок и справедливость, достоинство, равенство перед законом являются высшими ценностями европейского сообщества, а высокая юриспруденция, обеспечивавшая всё это, шла именно из Рима. Римское право являлось прообразом многих современных правовых систем, которые обозначают социальные, политические права и права собственности. Такая система в том числе политического права сильно превосходила в свое время любые правовые системы, существовавшие в сообществах людей, было передовым на фоне окружающей империю кочевнической «полевой» культуры с разграблениями и опустошительными набегами (нелегитимная традиция хаотичности; особо проявилась в период великого переселения народов). Именно Рим развил у испанцев правосознание и умение любить право и жить в праве на психологическом уровне. Во-вторых, была привнесена республиканская форма правления: выборы чиновников, подотчетность государства обществу. В-третьих, модель градостроительства: площади, амфитеатры, пропорциональная, стилистически качественно устроенная квартальная застройка, таверны, узкие улицы, акведуки, бани, скульптуры, мозаики, римские мосты и вообще концепция «всё для людей» – классическая концепция Европы, в том числе Испании. В-четвертых, сильную экономику, встроенную во всеевропейские связи. В-пятых, лингвистическую и культурную романизацию, в результате чего испанский язык стал таким, каким мы его знаем, а культура несет римскую эстетику и римские ценности. В-шестых, развитый институт гражданственности и классово-государственного общества; к развитому классовому обществу Испания привыкала с Античности. В-седьмых, парламентаризм. Римляне, знавшие сенат, противовесную политику, а также аристократизм, привнесли в Испанию то, что в стране впоследствии будет проявляться даже при абсолютизме XVI–XVII веков, когда был король, но король сильно зависел от кортесов и дворян. В-восьмых, рационализм, который дал начало развитию наук в Западной Европе и бессознательная власть которого, судя по всему, отобразилась в том же порядке градостроительства, архитектуры и в принципе в «европейском порядке». Например, по порядку высаженные и ровно постриженные кусты и клумбы, западные сады в духе «покорённой природы» – выражение давнего концепта рационализации всего вокруг. Римский рационализм также направил в «европейский» вид выразительность и яркость кельтского характера, отчего потом будет появляться эмоциональная и элегантная испанская культура. В-девятых, и это чрезвычайно важно отметить, в Древнем Риме на государство было принято перекладывать очень много ответственности, нередко налоговое бремя приводило к обнищанию населения, а привычка населения получать от правительства многочисленные социальные программы, пособия настолько сильно укоренилась в психологии масс, что эта безусловно сильная традиция до сих пор активно проявляет себя. Отсюда сильное вмешательство государства в экономику, которое прослеживается на протяжении всех последующих веков. Отсюда и бесконечные выступления на улицах Мадрида или Барселоны, где люди требуют государство то взять на себя ответственность на рост цен, то начать выплачивать пособия множеству социальных групп; отсюда и до сих пор сильные позиции социалистических партий во многих городах и регионах; отсюда и масштабное расширение гос. аппарата, отсюда же и проблемы с коррупцией и сложности ведения бизнеса. Таким образом, долгий и влиятельный римский период внес наиболее существенный вклад в формирование испанского общества – теперь это общество с верховенством закона, демократией, свободой (до перехода Древнего Рима к диктатуре), а также упованием на государство и продолженной традицией кумовства. В дополнение стоит отметить и взаимодействие испано-римской аристократии с обществом, которое в культуре Испании до сих пор считается благом:

богачи, которые вкладывались в украшение города, общественные блага, получали признание масс и избирательное право^{20 21}.

²⁰ Лалагуна, Х., Испания: История страны / Хуан Лалагуна: (пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова). – М.: Эскиммо; СПб: Мидгард, 2009. – 352 с.: ил. – (Биографии Великих Стран).

²¹ Циркин Ю. Б., История Древней Испании / Ю. Б. Циркин. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор- История, 2011. – 432 с., ил.

То есть, мы видим сильнейший из бессознательных пластов испанской нации: стремление к свободе, комфорту, демократии, праву и этатизму. И это стремление видно: по индексу демократии и свободы слова Испания – одна из стран-лидеров на планете. Уроки старого Рима были хорошо усвоены и теперь эта страна может называться подлинно западной. Римские модели превосходно осели в бессознательном, составив прочный пласт испанского менталитета. Даже несмотря на то, что романизация шла с востока полуострова на запад не быстро и полностью завершилась к I–II векам, когда последней романизовалась Эстремадура. По мере миграции старые устои разрушались, а римские брали верх. Побежденные приспособлялись к культуре победителя.

Приход вестготов на север и в центр современной Испании (по просьбе Рима для восстановления контроля над Испанией после вторжения вандалов, свевов и аланов) также сказался на развитии отдельных испанских регионов. Отдельных потому, что васконы, кантабрианцы, астурийцы не подчинились германцам и нападали на франков и вестготов, пока те переживали кризисы при делении трона. Это, возможно, заложило основу видимой и сегодня испанской хаотичности, подкрепление которой станет потом возможно приходу хаотичности с востока. Интересно, что германцы переняли римскую систему управления, а испано-римское население и элита не подверглись гнету. Высокими чиновниками были готы, но финансами управляли испано-римляне. Это значит, что как таковая германская традиция была половинчатой. Германскую эпоху в Каталонии, Галисии, Кастилии можно определить несколькими пунктами: продолжение децентрализации, продолжение превосходства суда над любой другой властью, и продолжение выборности чиновников²². Вернувшись же к первому пункту, мы заметим продолжение децентрализации. Вот здесь-то и находит новое применение греко-финикийская система городов-государств, только теперь к автономности стремятся целые регионы. Это продолжение пути к созданию современных автономных сообществ Испании.

²² Лалагуна, Х., Испания: История страны / Хуан Лалагуна: (пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова). – М.: Эскиммо; СПб: Мидгард, 2009. – 352 с.: ил. – (Биографии Великих Стран).

Ненадолго возвращаясь к античности, отдельно упомянем такую деталь: ещё до нашей эры территория современной Каталонии находилась под галльским влиянием. Признано, что галлы оказали этнолингвистическое влияние. Я же полагаю, что каталонскому коллективному бессознательному было подарено кое-что ещё, а именно то, что затем отразилось в архитектуре. Архитектура Барселоны, должно быть, именно поэтому фрагментарно так напоминает парижскую или марсельскую и при этом с местной испанской спецификой (работы каталонских архитекторов). Вполне возможно, что этот феномен есть действие совместного этнопсихологического пласта Франции и Каталонии. Какие именно отрезки коллективного бессознательного здесь играли роль, мы скажем в другом месте. Ясно, что то, что пришло в Каталонию с севера (совр. Франция), осело в ней.

Сейчас же можно сказать, что уже на этом этапе заметно, что бессознательный накопленный опыт, состоящий из усвоенных моделей поведения, идеалов и представлений разных эпох

не всегда может быть представлен как многоэтажный дом, где этажи – это исторические пласты. Возможно, у некоторых этносов именно такая, четкая и ровно идущая история. Однако в Испании эти пласты то находят друг на друга, то вступают в противоречие, а разные регионы и вовсе могут отличаться количеством этих пластов, ведь развивались они очень по-разному. Хотя такие «плиты» как христианство, пожалуй, более глобальны, и в Испании религиозный сдвиг заставил измениться всю территорию.

Так, принятое христианство (позднее – католическое христианство) проникало всюду, входило в психологию людей всё глубже, ведь, как известно, на протяжении многих веков христианство навязывалось властью и церковью, а удобная для масс этика декаданса²³ быстро и, соответственно, массово усваивалась.

²³ Ницше, Фридрих, Воля к власти / Фридрих Ницше; пер. с нем. Т. Гейликман и др. – Москва: Издательство АСТ, 2019 – 480 с. – (Библиотека военной и исторической литературы).

Христианская мораль во многом противоречила античной и провозглашала высшими ценностями и добродетелями: аскетизм (нередко граничащий с нищетой), страдание (нередко в соединении с антисанитарией и самобичеванием), порицание богатства и земных наслаждений и восприятие человека как ничтожного «раба божьего». Такой подход помог погрузить Европу в долгий период религиозного деспотизма, и только более ранние традиции стремления к свободе и выбору, а также Возрождение Эпоха Просвещения через революции или через иные процессы вернули Западную Европу к идеалам свободы и человекоцентризму. Именно потому, что такой массивный наследственный груз как христианство является бессознательным пластом, не имеет значения, является человек верующим или нет для того, чтобы проявляться в поведении уже современных людей, например, испанцев. Определенная философия жизни сильнейшим образом закреплена в ткани большинства, и это видно. Мы можем привести такие примеры отражения христианства в современном испанском обществе как неутоляемое желание обложить богатых налогами, меньшее в сравнении с протестантской Великобританией проявление частной инициативы или провозглашение бедных угнетенными, несчастными людьми (даже при современном отсутствии рабства в Испании), а также оставшаяся из-за христианского культа упадка человеческой силы и воли неспособность многих людей взять дело в свои руки, не уповая на государство, философия «маленького человека», смирение. Невозможно не согласиться, что традиция католического христианства в Испании настолько сильна, что мы еще долго будем наблюдать неувидительное различие в социально-экономическом развитии между Испанией или другими латинскими странами (Португалией, Италией, Францией) и, например, Великобританией. И, тем более, США, где с давних пор вмешательство государства в экономику было минимальным, частная собственность ценилась больше, а индивидуализм и инициатива снизу (т. е. англосаксонский этнический дух предпринимательства, бессознательно заставляющий что-то придумывать и создавать многочисленные бизнесы и продукты) были и остаются двигателями американского прогресса. Сам концепт «протестантской этики» – признание честного богатства, стремление к идеалу, аскетизм и умеренность, рационализм, трудолюбие, самостоятельность, ответственность – последовательно выводимый в североамериканских сектах, принадлежность которым была до определенной степени гарантией благополучия, доверия и помощи в бизнесе²⁴, создал бессознательный институт (сильно противоречащий во многом католицизму), который полноценно работает в американском обществе и сейчас, в эпоху, когда роль религии в Западных обществах не настолько велика, как раньше. Именно отсюда, как нам доказывает Макс Вебер, выходит тот самый великий американский капитализм, который стал ведущим в мировой экономике.

Также интересным для нас периодом испанской истории является мусульманская эпоха, сопровождавшаяся усилением позиций еврейского населения в VIII–XV веках. Мы не можем назвать владычество арабов на Пиренейском полуострове таким же сильнодействующим как римское. Эта новая страна – Кордовский Эмират – была довольно свободной в плане выбора вероисповедания, и ислам, как и всё остальное, принесённое маврами, оставил своей след больше в архитектуре и в целом в культуре (мавританское искусство), ведь преследований христиан и иудеев не было на начальных этапах (VIII–IX века) – в эпоху Абд аль-Рахмана I. При нём в Аль-Андалусе был установлен договор, по которому устанавливались новые феодальные узы, местные платили дань, признавали власть эмира и взамен сохраняли большую автономию: собственные законы и суд, церкви, выборные властители, земля. Даже рабы имели политические права, профессию и социальные права, несли военную и гражданскую службу, а после принятия ислама освобождались (социально- политически эпоха неоднородна, и позже угнетения местных становится больше). Возможно, именно тогда впервые были заложены основы толерантности к людям другой национальности и религии. Это, кстати, позже отличало Испанию времен Реконкисты.

²⁴ Вебер, М., Протестантские секты и дух капитализма // Понимающая социология. – Москва, 2021.

В XII–XIV веках продолжались довольно прогрессивные идеи терпимости и мультикультурализма в отличие от Франции и Рима, которые были нетерпимы к мусульманам. Более того, советником Альфонсо VI был граф Сиснадо Давидис – араб-христианин, который отвечал за межкультурную коммуникацию на освобожденных землях. Мультикультурализм держался в Испании до утверждения инквизиций при Изабелле I Кастильской в XV веке²⁵. Так, мы полагаем, традиция толерантности была привнесена в испанский менталитет еще даже до Золотого века Испании.

Халифат-эмират, в свою очередь, проходил и распад государственности (династические конфликты и потеря династической законности привели к разбиению халифата на тайфы), что еще более укрепило тенденцию к децентрализации. Правильно было бы заметить, что одновременно была феодальная раздробленность не только в Испании, но и во всей Европе. Однако в Испании она добавила к уже имеющейся традиции децентрализации еще больше желания разбиения. Если бы до этого Испания не становилась сразу такой разной и не наполнялась греческими и финикийскими «городами-государствами», если бы Испания была этнически более однородной, и получила бы только влияние Римской империи, то, разумеется, Испания была бы не более децентрализованной, чем Франция.

Возвращаясь к арабо-мусульманской эпохе, отметим, что заметен лингвистический вклад. Известно, что в испанском языке огромное количество слов имеют арабское происхождение. Помимо этого, полагаю я, именно некоторая восточная хаотичность, привнесенная в Испанию, отразилась впоследствии в том, что в Испании, есть некоторая стилистическая несочетаемость, например, в архитектуре, когда могут соседствовать здания разных стилей. Для сравнения, архитектурный облик Италии гораздо более выверенный и стилистически гармоничный. Наиболее сильно влияние мавров заметно в художественной культуре (с характерной орнаментальностью и узорчатостью), потому что в социально- политическом плане было множество других пластов, а вот в искусстве восточные традиции создали сильный контраст с ранними европейскими. Орнаментальность духа осела и в самой этнической психологии, усилив иберийскую экспрессию.

²⁵ Лалагуна, Х., Испания: История страны / Хуан Лалагуна: (пер. с англ. Е. Габитбаевой, М. Башкатова). – М.: Эскимо; СПб: Мидгард, 2009. – 352 с.: ил. – (Биографии Великих Стран).

Очень многие в Испании приняли тогда ислам, но этот пласт сливается по своему характеру с христианским благодаря схожести добродетелей (страдание, аскетизм, воздержание). Халифат оставил также некоторую долю консерватизма и продолжил идею сильного авторитарного государства.

В эти годы в Испании происходит другое интересное движение – возвышение евреев. При арабах у них было так много свободы, как не было никогда ранее, что позволяло внедряться им во все сферы жизни и распространиться настолько, что у 20 % современных испанцев есть еврейские корни. Евреи стали знатными купцами, успешными торговцами. Умело строя деловые отношения, евреи моментально повысили торговый дух в стране. Была у этого и обратная сторона: в то время, когда не было возможностей обращаться к кредитным историям в онлайн-приложениях банка и распространенные рейтинги не представляли надежность партнёра, самым верным способом войти в доверие для успешных рыночных отношений было вступление в родственные отношения с зарубежными партнерами, что, конечно, тормозило развитие честного рынка. Его активно наполняли родственники торговцев, отчего кумовство прочно установилось в менталитете нации, и nepотизм проявляется в настоящее время.

За арабо-мусульманской эпохой последовала реконкиста – освобождение Испании от арабских завоевателей. С конца XV века начинается история новой Испании, в мировом контексте существует страна со сформировавшимся менталитетом, с огромным накопленным опытом, с непростыми и разнообразно-противоречивыми традициями, на которых теперь основывается Испания как страна и как нация. Больше у Испании, по крайней мере сейчас, других значимых пластов духа нации нет. Для исследования менталитета последующая история страны интереса не представляет, поскольку на этом этапе уже начинается продолжительное функционирование теперь знакомых нам традиций испанской нации.

Ни один из режимов с XV по XX век не мог заметно повлиять на испанцев, так как из-за революций, общественных движений и работы устоявшегося национального бессознательного ни один из этих режимов не был долгим. А если и было что-то такое, что было способно оставить отпечаток, как, например, многовековая инквизиция, отпечаток этот быстро накрывался другими, более сильными пластами из национального инвентаря, хотя возможно и не растворялся полностью. Вместе с тем любые формы преследования и жестокого насилия, такие как инквизиция, в Испании осуждаются современным населением. И причиной тому лежит, помимо гуманистического прогресса, то обстоятельство, что «свободных» и гуманистических традиций в Испании больше, они старше и сильнее. Именно из-за такого соотношения Испания сравнительно легко вошла в Европейский Союз, проведя необходимые реформы и очень скоро применив классические европейские ценности ещё в начале интеграции с ЕС.

Более того, мощная римская традиция права и свободы действовала в Испании и во всей Западной Европе так, что, даже находясь в условиях абсолютизма, подавлений свобод, как, например, при Педро Жестоком, Карлосе I или множестве других правителей в Испании, люди в этих странах умели требовать свои права, требовать благосостояние. Восстания и забастовки проходили даже при Франко. Европейская свобода была «выстрадана» восстаниями, движениями рабочих и аристократов, революциями, закреплена самоуважением. Подобных событий приходилось десятки на каждый век, чего не было, например, в России, где восстание было скорее редким исключением. Подобной традиции либеральности не было и во многих странах Востока, до сих пор остающихся авторитарными. И двигателем этой многовековой борьбы были западные менталитеты, в которых не было прочно закреплённого психологического склада с нормой «непротивления». Из западного опыта постепенно появлялись либерализм, конституция, парламент, права человека, которые достигались постепенно и зачастую

ценой драматичных исторических событий. Так, испанский, европейский либерализм имеет долгую историю. В определенные периоды он существовал как официальная система, в другие периоды был двигателем борьбы. Важным было не только фактическое существование демократии и либерализма, но и стремление к ним.

Итак, рассмотрев многочисленные пласты бессознательного опыта испанской нации, мы приходим к следующим выводам:

Менталитет признается нами как психологический фундамент, передающийся из поколения в поколение. Даже если историческая традиция изначально была усвоена на части современной территории, затем посредством миграций и экономического развития она распространяется.

1. В основу испанской эмоциональности лег симбиоз иберской и кельтской культур.
2. Евроориентированность, демократия и верховенство права в Испании объясняются её римским и греческим прошлым. Внутриевропейские отношения начались с торговли с Грецией и её культурного влияния.
3. Парламентская монархия – близкая испанцам форма правления.
4. Фактический федерализм и стремление автономных сообществ к самостоятельности вызваны не только их географической изоляцией (горами, реками и т. д.), медленным построением межрегиональных коммуникаций, этноязыковым и этнокультурным разнообразием, приводившим всегда к административному делению страны по субэтническому признаку, но также и традицией «индивидуализма регионов», заложенной греками, продолженной вестготами, чиновниками арабской эпохи и в дальнейшем самими испанцами. Это очень сильный институт. Сегодня унитарная Испания, фактически, по устройству ближе к федерации, а широкие права автономий закреплены в Конституции по принципу «национальности и регионы»²⁶, и такому устройству предшествует многовековой опыт.

²⁶ Аникеева Н.Е. Испания – государство автономий в объединенной Европе // Современная Европа. – 2007. –

№ 2. – С. 91–102.

5. Отсталость юга Испании от севера, а также замкнутость в характере последнего обуславливается, помимо исторического отставания в развитии промышленности, тем ещё, что северные районы Кантабрийских гор не подверглись ни влиянию римского регулирования экономики, ни мусульманским ограничениям, пришедшим с некоторой восточной и африканской хаотичностью. Север позже просто принял право, основанное на римском, и совместил с традициями упорного хозяйствования, которое особенно хорошо развилось благодаря требовательности непростого рельефа и менее жаркому климату.

6. Успехи испанской экономики во многом обязаны давнему умению торговать и договариваться, обязаны раннему становлению развитого капитализма и аристократии (начатому финикийцами (Тартесс) греками (Эмпорион) и продолженным римлянами, что, впрочем, характерно для всего Запада.

7. Многие принципы этики, основанные на приземленности и скромности, были взяты из христианства. При этом люди, следующие этим традициям – необязательно верующие.

8. Склонность Испании, как и многих стран Средиземноморья складывать большую ответственность на государство (этатизм) а иногда прибегать к непотизму подарена римской и авторитарной королевской идеями «сильного и всезнающего государства». Вследствие неизбежно возникают кризисные процессы и периодические проблемы с экономикой, с более широкой проблематикой, чем обычные циклические кризисы в Северной Европе. Отсюда же некоторая доля «парламентской авторитарности» в испанской политической культуре.

9. Развитость благоустройства в европейских городах, общая ухоженность, стилистическо-архитектурная правильность, стремление к качественной среде – традиция, подаренная Римом и в разной степени усвоенная разными частями Западной Европы.

В дополнение можно отметить, что баланс Испании между индивидуализмом и коллективизмом (индекс индивидуализма по Хофстеде – 51) связан с медленным, хотя и ранним становлением рынка, медленной модернизацией сельского хозяйства и нахождением Испании на периферии Европы. Консервативность, избегание неопределенности и приверженность правилам, скептическое отношение к будущему, должно быть, развились как следствие негативного опыта политической нестабильности на протяжении многих веков испанской истории.

Менталитет и эфемерные отклонения от него

На примере Испании мы увидели, что менталитет есть. Но встает другой вопрос: можно ли победить его? Ответ однозначен: да, можно, если человек отстраняется от народной массы где бы то ни было, если сознательно и, тем более если с научным подходом, принимает иные культуру и образ жизни, если защищает себя от «засасывания в глубинный народ».

Однако народ есть толпа, а толпа, повинующаяся стадному инстинкту и мыслящая образами, а не научными диаграммами, и на действия которой влияет в первую очередь коллективное бессознательное с уютными и знакомыми символами и установками прошлого, меняется иначе и в течение продолжительного времени²⁷.

Собственно, менталитет в нашем понимании у личности и в массе проявляется по-разному. Изолированный индивид, например, испанец, выросший в немецкой среде, последует немецкой культуре и образу действия, не влившись при этом в немецкий менталитет, так как он не немец, и коллективного опыта немецкого народа у него нет. Действие менталитета виднее в народной массе, то есть в этносоциальном организме или, по крайней мере, в диаспоре, которая тоже есть масса. Психологические особенности этой массы напоминают те, что есть у основной части этноса, потому что здесь вновь играет роль этническая толпа.

²⁷ Лебон, Гюстав, Психология народов и масс / Гюстав Лебон. – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 384 с.

Подкрепляется психология часто следующими факторами: уверенность в невозможности влиться в местное общество, поддержание коллективной памяти, мифы о родной культуре и романтизированные воспоминания о родине, представление родины как дома, куда потомки этих иммигрантов обязательно вернуться²⁸. Отличный пример сохранения менталитета народа за границами основного ареала – Брайтон-бич в Нью-Йорке: русская диаспора, представляющая собой вариант народной толпы, организовала быт в соответствии с русским менталитетом, что выразилось, например, в слабой инициативности и ожидании помощи от государства. Впрочем, сейчас «советское» постепенно убывает из Брайтон-Бич.

В диаспорах, впрочем, возможно и обратное развитие: нередко в другие страны переезжают люди наиболее амбициозные, талантливые и образованные, либо наиболее увлеченные принимающей культурой, либо просто обладающие более широким кругозором и адаптивной гибкостью. Тогда, если диаспора состоит из людей такого качества, она может и не обладать этнопсихологическими свойствами основной части народа.

При этом диаспоры могут образовывать концентрации нового качества (например, аргентинцы), и это уже вопрос другого класса, который мы рассмотрим в другом месте.

Гюстав Лебон, представлявший дух нации или психологию народной массы как двухуровневую систему, изучил следующий механизм. Первый уровень – это верхний слой, кото-

рый на сравнительно очень недолгое время может поддаваться любым изменениям. А второй – описанные нами громоздкие и неповоротливые бессознательные пласты, которые железной волей рисуют картину страны на века.

Поэтому, рассуждает Лебон, Франция нередко становилась площадкой для разнородных революций, приводивших к установлению разных идей государства и общества, а сами революционные события сопровождались резким гневом (например, при свержении Людовика XIV) или резким воодушевлением (как при восхождении на престол Наполеона I) толпы.

²⁸ В.А. Тишков, Исторический феномен диаспоры. (Б.м.), 2000. – С. 207–236.

При этом, пройдя период флуктуаций, Франция возвращалась в той или иной форме к своим характерным национальным установкам: этатизм, свободолобие, авторитарность государства. Это, можно сказать, старая французская база, сформированная за многие века истории. На фоне истории отдельный особенный промежуток (будь то драматичная эпоха якобинцев или период

«Красной Вены» в Австрии) оказывается лишь периодом отклонения. Толпа в таких случаях – та же народная масса с той же историей. Но она легко поддается искушению и внушению, потому что в толпе интеллект уходит на задний план, стадный инстинкт начинает доминировать, индивидуальность растворяется, персональная ответственность перестает существовать, критическое мышление отклоняется, а чувственное и образное восприятие выходит на первый план. Толпа нуждается в срочном наполнении её иллюзиями и импульсами. Импульсы легко управляют толпой. Однако, остыв (или разочаровавшись), толпа снова оказывается там, куда её ведет глубокая психология, т. е. на прежнем месте, ведь оно хорошо знакомо и психологически наиболее комфортно. Ядро остается одним и тем же. Не имеет значения, как называется страна и её институты²⁹.

Пожалуй, ярчайший пример того, как народная масса по неаккуратности и из-за собственной внушаемости окунулась а обскурацию с лидером-авантюристом – это эпоха Франсиско Франко, о которой испанцы по понятным нам причинам не любят вспоминать. На фоне противоречий и сложностей первой половины

XX века достаточно свободолобивая, сравнительно индивидуалистическая и с открытым южным характером нация пришла к военной диктатуре, репрессиям и губительной централизации с подавлением автономий регионов. Оказалось достаточным очутиться в хаосе и нестабильности начала XX века, чтобы утомленный историческим контекстом народ, приняв слоганы и образы авторитарного популизма, сделал лидером Франко.

²⁹ Лебон, Гюстав, Психология народов и масс / Гюстав Лебон; (пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана). – Москва: Издательство АСТ, 2019. – 384 с. – (Эксклюзивная классика).

При этом после падения режима Франко Испания довольно легко либерализовалась и затем вошла в ЕС, потому что репрессивное правление Ф. Франко является не продуктом глубинного испанского менталитета, а эфемерных идей толпы. Франко вышел из социально-политического поля, и Испания вернулась к другой, близкой ей форме государственного быта – парламентскому этатизму.

Более старый пример того, как привычный порядок был на время искажен яркими историческими событиями, это революция 1868 года, когда власть в городах была захвачена рабочими с лозунгами коммунизма и анархизма. Революция закончилась тем, что к 1874 году восстановился прежний порядок. Упомянутые идеи легко смогли в тот критический момент завладеть народом, однако испанцы – не коммунисты и не анархисты в своем менталитете.

Они хоть и склонны к некоторому социализму, но всё же любят торговать, в их культуре ценится индивидуализм, присутствие закона и правительства. А потому порядок революционеров долго не просуществовал. Радикальные идеологии затем нашли свой выход опять-таки в «парламентском социализме» в начале XX века. Фактического капитализма тогда меньше не стало, как бы себя потом ни называли оппозиционеры.

Из этого следует очевидный вывод: невозможно без тяжелых последствий за короткое время нарушить давно установившийся национальный порядок. Мало того, что нация переживает кризис внутри себя. Она скорее всего (если не имеет место коренной перелом и становление нового пласта менталитета) вернётся к тому, что было раньше, в её естественное состояние. Это, однако, были всё же масштабные примеры. Вообще, чаще всего отскоки от глубинного народного духа можно наблюдать во время массовых протестов и гражданских беспорядков, когда толпы охвачены аффектами.

Менталитет и нейрофизиология

Ранее мы выяснили, что исследование менталитета должно выходить за рамки философии и проходить на стыке социологии, психологии, этнологии, истории, антропологии и других гуманитарных наук. Далее необходимо добавить в этот список дисциплину, образовавшуюся на стыке нейрофизиологии, нейропсихологии и антропологии – нейроантропологии, или, как обозначил бы её я, нейроэтнологию. Это включение представляется необходимым ровно потому, что, как выяснили учёные, культура оказывает воздействие на головной мозг.

Исследования на эту тему проводились при помощи магнитно-резонансного томографа. К.А. Истомин приводит такие примеры, как исследование Хэддена (активизация областей мозга американцев и китайцев), показавшее, что у американцев больше коры головного мозга активизировалось при выполнении относительного задания, а у китайцев – абсолютного и наоборот; исследование нейробиологов во главе с Чжу Инь (демонстрация разницы между независимым и взаимозависимым типом личности), сравнившее мозг китайцев и американцев; исследование активности мозга представителей разных этносов ранее незнакомых музыкальных произведений, показавшее большую активность при прослушивании композиции из музыкальных традиций своего народа и меньшую – при прослушивании композиции из культуры другого народа. Так, исследование эмоций и мыслей людей привело к выводу о том, что при выполнении одной и той же задачи у представителей разных народов могут активизироваться разные отделы головного мозга. Нейроантропологические данные, а также общее представление структурно-функциональной модели работы мозга дают нам понять, что историко-культурный опыт оказывает влияние на склад мозга (как пишет К. Истомин, на микроанатомию и физиологию мозга³⁰).

Нейрофизиология сообщает нам также, что третичные поля коры (цитоархитектонические поля Бродмана) участвуют в создании номинального выражения нейропсихологического склада человека, поскольку они контролируют высшую психическую деятельность – символическую, интеллектуальную, речевую³¹ – которая, соответственно, также зависит в определенной степени от этнокультурной принадлежности индивида. В том числе и отсюда так называемая «душа народа» в языке и культуре.

³⁰ К.В. Истомин, Нейроантропология: исследование влияния культуры на мозг и мозга на культуру (итоги и проблемы первой декады существования). МАиБ 2013 – № 2 (6).

³¹ Хомская Е. Д. Х76 Нейропсихология: 4-е издание. – СПб.: Питер, 2005. – 496 с: ил. – (Серия «Классический университетский учебник»)

Все указанное мы считаем нужным также свести в наше понимание менталитета, поскольку всё это, согласно нашему рассуждению, часть менталитета – продукта биосоциальной природы человека.

Названия институтов и власть

Как мы уже сказали, институты могут иметь одну и ту же сущность при разных названиях, поскольку они, как и власть, часто являются отображением сущности народа.

Как известно, османская империя была глубоко авторитарной страной. На протяжении многих столетий абсолютный монарх – султан – управлял исламской, глубоко консервативной страной. Авторитаризм укоренился в народной психологии так, что хотя монархия Османской империи сменилась на республиканское устройство Турции, сегодняшний эрдоганизм – это воплощение того, что всё-таки присутствует в турецком менталитете: восточный авторитаризм, империализм, консерватизм, верность традициям. Современный президент Турции, следуя концепции неоосманизма, смог деформировать демократическую Турцию в пользу авторитаризма. До этого традицию консерватизма-авторитаризма, останавливая развитие демократии, поддерживали другие турецкие лидеры – Аднан Мендерес, Исмет Инёню и другие. Турция оказывалась в авторитаризме несколько раз. Такова историческая традиция страны, видимо, таков бессознательный общественный запрос, ведь и сам «народ» Турции консервативен и склонен как почитанию авторитета. Сменились названия институтов, ни их суть как будто бы лишь просто сильно смягчилась, но не утратилась полностью.

Говоря об Испании, можем тогда сказать, что, если в теории в Испании убрать монархию и сделать главу государства избираемым, то есть сделать республику, менее монархической Испания от этого не станет, потому что нация будет в своем представлении наделять президента теми же свойствами и возлагать на него те же надежды, что и на монарха. Испания – это парламентская монархия, а если официально она станет республикой, то непременно президентской. И сам президент, соответственно, будет несколько более авторитарным, чем президент Италии, потому что таков запрос нации. Официально будет президент, фактически – монарх (в испанском понимании). Повторим: неважно как называется институт, важно его содержание, которое закладывается этническим менталитетом.

Говоря о власти, вспомним начало нашего исследования, где я разобрал два взгляда на менталитет, но оставил третий взгляд на потом. Что же гласит третье мнение? Оно основывается на представлении, что каждый человек – это уникальная личность, а общество/народ состоит из тысяч таких единиц. Мы отвергаем этот взгляд, так как уже рассмотрели механизм растворения личности в толпе. Психология толпы не равна психологии отдельной единицы. А народ – это своего рода толпа, так как людей в народе много. Выходит, масса людей – это не сумма единиц, это совершенно иное существо.

Отражение этого существа – не только искусство и институты, а также – когда страна находится в своей норме – власть. Власть – отражение народа тогда, когда нет потрясений и страна находится в своей обычной колее и, необязательно, но тем более, когда она состоит из людей, которые к этому народу принадлежат этническим образом. Быть может, какие-нибудь короли иноземных династий – и не отражение испанцев, но вот парламенты последних десятилетий – неторопливые, забюрократизированные, сильно социально-ориентированные, наполненные темпераментными спорами – вполне являются. Точно также как бывшая премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер – сдержанная, целеустремленная, деятельная, с прозвищем «железная леди» – человек-выражение английского духа, и таковы очень многие английские представители аристократии и бизнеса.

Менталитет в политике – это когда в исторически принятом авторитаризме лидером становится человек-символ национального духа, и большинство его поддерживает, а в демокра-

тии люди большинством выбирают свой собирательный образ в той или иной степени. В этом узком смысле все страны можно назвать демократическими, везде исторический курс, лишь иногда прерываемый особыми гениями, определяет большинство.

Продолжая говорить о власти, скажем, что менталитет в быту выражается в отношении к окружающей среде, к среде проживания на психологическом уровне: то, как принято ухаживать за своим двором, как люди относятся к общественным благам, как в представители народа уважают друг друга и чужой комфорт. Поэтому, если, например, в быту принята хаотичность, например, выбрасывание окурков на обочину дороги вместо мусорного бака или поиск способ не заплатить за блага, то во власти, скорее всего, окажутся люди с такими же привычками, только их непорядочность будет выражаться в другой форме другого масштаба – коррупции, нарушении законов и т. д. В соответствии с выражением «народ заслуживает своего правителя» приведенный пример говорит о многоуровневом присутствии менталитета.

Как управлять имеющимся менталитетом?

Можно, конечно, не менять состав менталитета, и, напротив, работать с имеющимися элементами. Если мы знаем, что менталитет в большинстве случаев состоит из множества элементов, мы можем выбрать самые привлекательные для нас и «тянуть эти ниточки». Так, например, в испанском менталитете есть разное: дух торговли и левые тенденции, вольная экспрессивность и христианское смирение, свободолюбие и поиск авторитета.

Если в наших интересах развивать именно ствол свободолюбия, то ему и надо уделять больше всего внимания. Пропаганда классического либерализма, соответствующие реформы в экономике и политике, сохранение этой ценности – это то, что необходимо было бы предпринимать; поиск авторитарного монарха, погружение в анархизм и коммунизм – это то, что мешало бы развитию праволиберального менталитета. То есть, надо выдвигать одно и задвигать другое и тем самым определять вектор развития и форму существования общества. Так можно в долгосрочной перспективе управлять менталитетом.

Как изменить менталитет?

Мы выяснили, что в долгосрочной перспективе нация определяет свой путь бессознательно. Если она неоднородна, её составные части будут определять свой путь особенно. Соответственно, чтобы повлиять на судьбу народа/нации нужно в первую очередь оказать влияние именно на коллективную бессознательную область. Как мы отметили выше, быстро это сделать не получится. Должны пройти десятилетия или столетия, чтобы условная страна в лице народной массы хорошо усвоила новые идеи, новые образы действия, новую реальность. Нужно, чтобы те или иные нововведения были не только декоративными и скорыми, а проникли в психологию народа, изменили его глубинный психологический склад. Мы назвали такое изменение историческим пластом.

Для примера, если мы вдруг захотим лишить «душу» испанцев этатизма, можно попробовать провести радикальные реформы. Они должны в таком случае быть одного характера: государство резко отказывается от большей части ответственности в образовании, медицине и, главное, в социальной помощи обездоленным. Они должны оставить целую страну без сильной гос. помощи, без правительственных программ строительства объектов и т. д. Далее нужно только ждать. Скорее всего, общество моментально научится проявлять еще большую инициативу снизу, кооперироваться для решения глобальных задач, по-новому относиться к частной собственности и индивидуализму. А дальше надо только ждать. И только при условии, если такая либертарианская система

главенствующего рынка продержится достаточно долго (чего сложно достигнуть из-за влияния предыдущих пластов), перечисленные нами навыки станут не просто инструментом в данный момент времени, они станут национальными психологическими установками. В случае успеха получится новый пласт. При этом важно не допустить и малейшего отклонения в пользу сильного государства. Принципиально важна долгая тенденция.

Есть и другой путь. В этот раз, в рамках научного прогнозирования при сочетании теоретических условий, обратимся для примера к Португалии. Если мы посмотрим на карту нидерландского социолога Герта Хофстеде, мы обнаружим, что уровень индивидуализма в Португалии – один из самых низких в Европе (показатель индивидуализма: 27), иначе говоря, Португалия – страна традиционно коллективистская. Для сравнения показатели Испании и Великобритании – 51 и 89 соответственно. Если мы хотим поменять этот показатель в Португалии в долгосрочной перспективе, то есть изменить менталитет, можно произвести межэтническую кооперацию внутри страны. То есть, нам нужно смешать два компонента и получить третий: берем общество с высоким уровнем индивидуализма, внедряем его в португальское и ждём, пока результат этого взаимодействия не отложится в коллективном бессознательном народа. Так, мы можем взять британцев, расселить их всюду в Португалии, предоставить им места в гос. учреждениях, ведущих бизнесах, иных предприятиях на основе частной инициативы, массово смешать качественно британцев с местным населением. Изменения пойдут по принципу «девиация – институт»³² (суть которого мы изложим в главе об идентичностях) и через время мы получим видоизмененный португальский этнос с другим генетическим кодом (причем разрушения менталитета по латиноамериканскому сценарию не получится, потому что в данном случае взаимодействовали бы две европейские культуры).

³² Барбашин М.Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах: монография. – 2-е изд., расшир. и доп. – Ростов-н/Д: Изд-во «МарТ», ИПО ПИ ЮФУ, 2013. – 356 с.

К тому же, даже если мы потом всех этнических британцев выселим, «британский» индивидуалистический пласт в португальском менталитете останется, потому что новые традиции уже прочно войдут в местное этническое бессознательное. Конечно, если такое смешение произойдет, это не значит, что коэффициент индивидуализма в Португалии вырастет до 89 как в Британии: каждая нация подстраивает чужие нововведения под себя, сильно их искажая на фоне уже имеющегося бессознательного опыта, что значит, что в нашем случае Португалия станет на несколько уровней более индивидуалистической. Коэффициент уже будет зависеть от того, насколько новая традиция сильная и от того, в каких пропорциях произошло смешение. Это может быть такое число как 48 или 67 или какое-либо иное. Доказательством же возможности такого изменения в нашем труде уже послужило наше краткое изложение этногенеза в Испании. С другой стороны, португальцы, будучи патриотичными, вряд ли согласятся на такой эксперимент. И будут иметь на несогласие все моральные и юридические права.

Другим теоретическим примером соединения «реагентов» можно назвать разбавление корейской иерархичности с её вертикалью, строгим деловым этикетом и субординацией, значительным весом титула, властью старшего, подаренными Корее традицией конфуцианской этики, когда та господствовала в стране несколько веков назад³³. Для изменения менталитета корейцев нам тогда нужно добавить в «пробирку с этничностью» вещество, способное разбавить иерархичность бытовым либерализмом. Для этой цели могут служить представители шведского этнокультуры с её равноправием членов семьи, значительностью ребёнка, непринужденными беседами начальника и подчиненного, слабой привязкой к авторитету и не менее слабым значением социального положения³⁴. При этническом, культурном и профессиональ-

ном смешении новая шведская традиция, конечно, не разрушит иерархичной традиции Кореи, но сильно её смягчит. А на 10 или на 25 %, зависит от пропорций смешения.

³³ Головкова Е. А. "Становление конфуцианства как государственной идеологии в Корее" Казанский вестник молодых учёных, Т. 4, № 2, 2020, С. 81–87.

³⁴ Оришев А. Б. "ШВЕДЫ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ" Вестник экспериментального образования, № 4 (25), 2020, С. 1–13.

В любом случае, люди теперь будут бессознательно меньше тяготеть к иерархии, ведь программа менталитета переписана.

Впрочем, мы, считаем, что нации в праве сами решать свою судьбу. Мы подтверждаем, что зачем проводить эксперименты на реальных народах в мире, где каждая нация имеет право самоопределяться и сохранять свою идентичность такой, какая она есть. Истории уже знакомы примеры, этничность становилась объектом пропаганды и тиранической политики. Сверх того, разнообразие и процветание идентичности мы признаем как неотъемлемую ценность. Мы лишь показали механизмы изменения менталитета – глубинных психологических установок общества.

Утеря менталитетом власти над историческим контекстом

Мы уже разбирали ситуации, в которых менталитет остается в стороне и на быстрый процесс не влияет. Это ситуации, при которых находящаяся под психологическим влиянием масса легко и бессознательно поддается новой и простой идеологии. Мы показали, что такие моменты непродолжительны, и рано или поздно общество в большинстве случаев возвращается в свою привычную и свойственную ей колею.

Но в истории мы находим примеры того, как, например, отсталая страна резко становилась благополучной без глобальных потрясений. Сторонники теории о том, что менталитетов не существует и что при верном подходе можно в срочном порядке создать новую реальность с нуля, зачастую приводят в пример экономический успех Сингапура. Однако менталитет сингапурского населения вполне предполагает экономическое процветание, так как содержит в себе традиции этики конфуцианства (дисциплина, умеренность, стремление и т. д.). В случае Сингапура, мы полагаем, эти пласты были задействованы с помощью эффективного управления Ли Куан Ю в соединении с потоком инвестиций из западных экономик.

Во многом используя рассуждения Г. Лебона, мы также взглянем на другую часть планеты – на Латинскую Америку. Это совершенно новая цивилизация, так как она резко и быстро смешала в себе многие народы: и испанских колонистов, и индейцев, и потомков африканцев, и итальянцев и много кого еще. Помимо того, что это эти разные этнокультурные массивы смешалось между собой, это всё также еще и слилось с многочисленными коренными этносами (в разных частях макрорегиона – в разной степени). А образование государств оказалось финальным этапом этого синтеза. В результате появилась новая раса метисов и мулатов – раса с тонким слоем исторического опыта и без устоявшихся институтов права, гражданственности как в старой Европе или, например, прочных институтов индивидуализма как в США, несмотря на то что внешне это во многом европейская культура (языки, христианство, традиции).

Создать эти институты по образу и подобию американских было, как видно, популярным решением, но вот без опыта пользование ими оказалось сложным. В итоге континент Южная Америка состоит в основном из стран с урбанистической хаотичностью, повышенной преступностью, бедностью, институциональным хаосом, коррупцией, большим социальным кризисом и вечным поиском себя (например, спор о национальной идентичности в Мексике,

где дискуссия задается вопросом «кто мы: индейцы или европейцы?»³⁵). То есть, в Мексике, Бразилии, Боливии средний уровень социального благополучия довольно низкий.

При этом есть ряд стран, которые все же выделяются сравнительно большим благополучием. Среди них – Уругвай, Панама, Чили; также в меньшей степени на данный момент – Аргентина (к ней вернемся позже). Одновременно с этим фактом нужно учитывать и то обстоятельство, что в Уругвае и Чили более половины населения (а в Уругвае – около 88 %) – этнические европейцы.

³⁵ Estévez, Jorge & del Solar, Jorge. (2002). CUATRO TESIS SOBRE LA IDENTIDAD CULTURAL LATINOAMERICANA. UNA REFLEXIÓN SOCIOLÓGICA.

В Панаме же основную долю населения составляют метисы и мулаты, то есть население смешанного происхождения («новая раса»). Однако благополучие Панамы по большей части зависит от Панамского канала и оффшорной зоны, то есть, от внешних финансовых вливаний.

В начале XX века в группе благополучных экономик Америки была и Аргентина. Однако потеряв из-за внутренних экономических ошибок американские и европейские капиталы, Аргентина пришла к банкротству и череде экономических кризисов, став державой среднего уровня, (но не разрушившись до хаоса и до основания, так как в Аргентине тоже население в основном европейское, хотя и сильно намешанное).

Мы можем наблюдать контраст между степенью процветания в странах со схожими институтами и преобладанием метисов (Панама и Гондурас) и контраст между странами с преобладанием европейского населения с более или менее значительным бессознательным опытом и странами с преимущественно с индейским или смешанным населением (Чили и Перу). Первый контраст обусловлен внешними факторами и иностранным капиталом, второй – собственно менталитетом.

Констатируя тот факт, что в макрорегионе Латинская Америки зачастую оказываются в условиях социального кризиса неопытные нации, мы полагаем, что в случае усвоения ими новых бессознательных пластов и институтов, эти страны смогут гораздо проще такие кризисы преодолевать, а также у обществ появится своя «колея».

Здесь можно сказать, что ответ на вопрос, почему тема менталитета интересует этнолога, очень прост: менталитет – двигатель народа и главный автор реальных институтов, которые в свою очередь влияют на ход народной истории, степень проявления национализма и стремления к популяризации этничности, на то, как народ помнит, сохраняет и развивает свою уникальную культуру. Менталитет, разложенный перед исследователем, дает ответы на многие актуальные для данной страны вопросы, так как, (будучи в том числе констелляцией исторически установившихся мифологем как стереотипов массового поведения и представления мира), является хранилищем большого опыта. Но и народы без опыта, как было выяснено, интересуют этнолога не меньше.

Менталитет и частные явления современности

Вспомним, что в начале главы мы упоминали свойство менталитета быть лишь одним из факторов, влияющих на формирование действительности. Примером того, как какие-либо явления действительности могут быть не вызваны менталитетом или прямо противоречить ему, мы можем назвать такую особенность железных дорог Германии в начале 2020-х годов, как задержки поездов.

Известным стереотипом о немецкой культуре является немецкая пунктуальность. В действительности же важной чертой немецкой психологии (см. главу II) можно назвать педантич-

ность, частным случаем которой является пунктуальность наравне, например, с особой зарегулированностью правилами и внимание к деталям в быту и производстве. Пунктуальность проявляется далеко не всегда, однако её частота в Германии и особенно в Швейцарии все же выше, чем в южных культурах. Если же речь идет о железных дорогах Германии, то поезда компании Deutsche Bahn часто опаздывают на срок от нескольких минут до нескольких часов. По показателю пунктуальности на железных дорогах Германия значительно уступает другим странам Европы.

Причины этому следует искать в обстоятельствах за пределами этнопсихологического склада в чистом виде. Среди них – устаревшая инфраструктура, местами требующая ремонта, забастовки и другие. Именно в этом частном случае внимательный к деталям немецкий менталитет дает сбой из-за встречи с фактором недофинансирования системы железных дорог, что стало следствием проигрыша железной дорогой конкуренции с автомобилями, а также с фактором борьбы работником за лучшие условия труда.

Такой конкретный случай показывает, что менталитет не является единственным определяющим фактором; культура во многом способствует созданию реальности, но не обладает монополией на этот процесс.

Могут ли пласты менталитета разрушаться?

Рассмотрев менталитет в том числе и как бессознательный опыт народа, мы должны сказать, что опыт этот вертикален, то есть он собирается на протяжении истории. И чем старше пласт опыта, тем более темная и глубокая часть бессознательного за него отвечает. От этого психологам тем труднее при анализе пациента приходится изучать древние сказки и мифологию, чтобы определить, какое переживание предков отражается символом, представленным пациентом, будь то почерк, рисунок или что-то еще, чем раньше в истории это переживание зародилось³⁶.

Мы не можем определенно сказать, может ли наиболее старый опыт разрушаться или нет, потому что, с одной стороны, мы видим, как у людей все еще срабатывают первобытные рефлексы и включаются первобытные страхи. А с другой, первобытные страхи – это сильный опыт. Разные накопленные элементы этого опыта различаются по силе и символ из иберийской мифологии не так силён, как образ любого разъяренного животного, пугающий людей всех этносов.

Поскольку такому анализу подвергается только то, что можно обнаружить в наличности, а сама наука зародилась не так давно, неизвестно, сохраняется ли весь опыт навсегда или по прошествии веков какая-то часть совсем утопает в темноте истории. Можно, конечно, изучить древнюю мифологию со всеми символами, а потом провести психоанализ всего народа. Однако, символы эти проявляются хаотично и все проверить невозможно.

³⁶ Юнг, К., Проблемы души нашего времени. – СПб.: Питер, 2020. – 416 с.

Что мы знаем наверняка, все социально-политические пласты, например, испанцев, все еще проявляют себя, даже самые старые аграрные.

Имеет большее значение понимание следующего: могут ли бессознательные пласты вступить в противоречие? Могут ли они разрушать друг друга или создавать что-то совершенно новое?

Все зависит от силы самой традиции и временно промежутка, в течение которого она прививалась. Так, любая аграрная традиция, например, традиция иберийских племен – коллективистская, общинная. Когда из Рима пришел индивидуализм, он вступил в противоречие

с коллективизмом, уже, правда, местами расшатанным высокой греческой культурой. Римская установка оказалась настолько сильной и так долго укреплялась в Испании, что до сих пор подпитывает испанцев: испанцы довольно-таки индивидуалистичны. Это пример того, как сохраняется более сильная традиция, а более слабая уходит в небытие.

Однозначно можно сказать, что новый пласт оказывает влияние на предыдущий опыт, видоизменяет его в то или иной степени. Судить же о том, какая его часть ушла в историю, а какая осталась можно по тому, что чаще проявляется в общественно-политической или культурной жизни народа или целой страны, которые одновременно и показывают, что искажение новых и имеющихся пластов взаимно, подтверждение чему мы видим, например, в том как страна перенимает институты или культурные элементы, неизбежно искажая их. Так, французы, вдохновленные египетской архитектурой в наполеоновскую эпоху, перенесли её во Францию, начали создавать здания, обелиски и интерьеры, сильно видоизменяя египетские мотивы локальной спецификой культуры. И в итоге получился стиль «ампир» – французский художественный стиль, в котором заимствованные египетские элементы были сильно видоизменены на французский манер, более «западный», более «мягкий» и «изысканный» в сравнении с собственно египетской эстетикой. Таковы основные наши положения о разрушении и изменении менталитета.

Этнодинамика

Далее в контексте рассмотрения явления менталитета нас интересует этнодинамика. Этнодинамика – это процессы, изменения, происходящие в этнической общности, но не выходящие за рамки постоянства локальной структуры. Мы назовем этнодинамикой, соответственно, те процессы, которые вписываются в менталитет страны. Рассмотрим на примерах.

Менталитет в США состоит из духа свободного капитализма, индивидуализма, идей государственного невмешательства и свободы самовыражения. В США есть две основные партии – республиканская и демократическая. Обе они вписываются в концепт американской этнодинамики (мы представляем общество США на базе англосаксонской этничности). Хотя демократическая партия идеологически в разной степени – в зависимости от степени радикальности политика – отклонена в левую сторону, отклонена она и близко не так, как социал-демократические и рабочие партии в Европе. И если демократы в Америке проводят какие-то реформы, это не означает, что Америка ступает на путь социализма, страна лишь становится более социальной. Такова специфика якобы «социалистической» партии в США. Демократическая партия никогда и не сможет установить реальный социализм (выход за пределы этнодинамики), потому что он не приживется в индивидуалистичном и очень классовом американском обществе. Сам американский менталитет совершенно не социалистический. Итак, мы должны иметь в виду четкое различие: увеличение пособий, например, на \$100 или введение всеобщего стандарта образования входит в рамки этнодинамики, полное сравнение бизнесменов и рабочих – не входит.

В Испании проведение немасштабной такие экономические решения как приватизации и понижение пособий на €100 будут входить в этнодинамику, потому что не отходят сильно от концепции «заботливого государства». Если же вдруг будет принято решение сделать Испанию либертарианской страной, отменив все пособия и любые государственные социальные гарантии, это будет отклонением, причем, серьезным, от этнодинамики. Либертарианство в Испании не приживется, потому что испанцы, бессознательно руководствуясь менталитетом, вскоре вернут все социальные гарантии и вмешательство государства.

То же касается культуры. Удаление из каталонского народного танца пары элементов – это в пределах этнодинамики. Если же заменить половину каталонских движений на, к при-

меру, движения из кастильских танцев, смешивая эти культуры, то это уже будет полным нарушением этнодинамики и самобытности.

Может быть и бывает так, что нахождение за пределами этнодинамики может занимать десятилетия. Это связано с чередой обстоятельств, решениями властных акторов, спецификой исторического контекста. Всё это может приводить к тому, что цивилизованные страны с высокими стандартами культуры и жизни деградируют в социально-экономическом и политическом смысле, свобода заменяется на цензуру, благополучие на бедность, гармония на хаос. А на восстановление зачастую уходят многие годы. Тому пример – вся европейская история, наполненная всем перечисленным. Вообще, это европейская цивилизация привнесла и либерализм, и демократию, и соответствующие ценности. Однако Европа не избегала периодов абсолютизма, нищеты и хаоса. Однако преодоление этого Европой также всегда имело место в связи с тем, что в народной памяти. Потому что западные страны знают свою этнодинамику, эти народы знают, что существует знание о другой стороне менталитета. То есть, мы видим, что у один и тот же этнос может выходить за рамки этнодинамики надолго, может продолжительное время подвергаться противоположным тенденциям, а во времена нестабильности (как после Великой Французской революции) ещё и резко бросаться из стороны в сторону, пока всё не вернётся в свою колею. В Европе, можно сказать, ценности права диктовались менталитетом, прочными бессознательными установками, а диктатура, нестабильность и веяния абсурдных идей – универсальными человеческими пороками.

Метод распознавания этноментальной принадлежности индивида

Сложнейшим вопросом касательно научного исследования менталитетов, на наш взгляд, является распознавание этноментальной принадлежности индивида. Определять эту принадлежность чрезвычайно важно при исследовании, потому что один лишь исторический анализ этноса предоставляет данные о его опыте и хронологии становления психологии. Однако для того, чтобы понять, какие из пластов действуют в современности, как сами эти пласты меняются, какие тенденции в менталитете имеют место, необходимо проводить этноментальный анализ современной народной массы. То есть, необходимо узнать общие – коллективные – психологические черты большинства людей в данной общности или основных пассионариев (с сопоставлением с национальной культурой) данной общности.

Такой анализ можно проводить как до исторического анализа этноса, так и после. В первом случае мы как бы хотим узнать причины поведения современников, а во втором случае мы познаем, как воздействие бессознательных пластов увеличивается или уменьшается.

В этнографии полевые исследователи нередко прибегают к анкетированию и опросу. Однако, поскольку мы имеем дело с менталитетом как сущностью иррациональной, стоит задуматься о том, что не всегда то, что человек говорит связано с его последующим бессознательным выбором. Говоря, индивид может находиться под временным аффектом, а значит, не в равновесном положении (а мы изучаем именно обыденное состояние масс, то есть этнодинамику). Или он может быть сознательно выведен на уровень развитой беседы или спора, в процессе которых он будет прибегать к рациональным аргументам и даже к науке, иногда даже менять мнение, однако на следующий день этот индивид, абсолютно забыв о прошедшем разговоре/споре, вернется к тому, что ему психологически (а не научно) ближе. Более того, опрос, опирающийся на то, что люди говорят сталкивается и с той трудностью, что люди могут стесняться своих взглядов или опасаться выражать их из-за страха преследования. В конце концов, большинство людей может находиться под эфемерным влиянием пропаганды, которая может иметь содержание, совсем не соответствующее или частично соответствующее национальному характеру, тогда как исследователь, оперевшись на слова обманутых людей, может сделать неверные выводы о менталитете. При этом, если пропаганда сама является продуктом народ-

ной психологии, существует запрос на такую информацию, если пропаганда является отражением того, что народу любо и ненавистно, то тогда уже стоит анализировать и людей под её влиянием, и саму пропаганду. Вообще, анализы индивидов должны проходить в период равновесия в обществе; фигура этого равновесия определяется через исторический анализ развития народа.

Нужно тогда осторожно относиться к словам людей и больше смотреть на их дела? Если мы имеем дело с сообществом в своём нормальном с точки зрения этнодинамики состоянии, то да. Уважают ли люди среду, в которой живут или их зона комфорта ограничивается собственным участком, за пределами которой можно мусорить и наводить эстетический хаос? За какие партии люди голосуют? В какой степени проявляют инициативу? Пытаются ли обманывать или, наоборот, все время следуют идеалам социальной справедливости? Считают ли расширение территории благом? Ищут ли для себя идолов в пострелигиозном мире или, напротив, рассчитывают только на себя? Легко или с трудом кооперируются для решения глобальных задач? Постоянно следуют правилам или бессознательно их нарушают? И так далее.

Китайцы обладают разноплановым в этом смысле менталитетом. Китайский менталитет привязан к язычеству. И речь здесь вовсе не об очевидном поклонении верующих статуям из камня или дерева. Речь о бессознательном институте, который функционирует так: сначала была традиционная китайская религия, представлявшая собой классический анимизм, поклонение силам природы. Но как на Западе язычество не было перекрыто пластом единобожия, в Китае наслоились лишь религиозно-философские учения (конфуцианство, даосизм, буддизм), усилившие древние ранние культы. В современности не последнюю роль играет образование и наука. Однако бессознательно Китай остался де-факто языческой страной. Отсюда и такие реальные действия как почитание авторитетов, наделение государственных деятелей «небесной силой», упование на их великую волю и приверженность иерархичности³⁷.

Третьим индикатором могут служить предпочтения, проявляемые, опять-таки, в состоянии этнического равновесия. Что на постоянной основе вызывает у людей бессознательное доверие? Что на постоянной основе им нравится, на постоянной основе вызывает положительные аффекты? Без каких социальных установок им сложно и каких социальных явлений они избегают? Бессознательно видят спасение в «сильной руке» или предпочитают демократию с митингами? Уважают больше свободу и права человека или «порядок», обеспечиваемый диктатурой? И так далее.

В китайском менталитете³⁸ есть такая деталь как этноцентризм, отведение своей стране особого статуса центра мира. Корень этой бессознательной установки – отсутствие тесного контакта с другими сильными странами, империями. Вокруг лишь были те, кого китайцы считали гораздо более низкой, чем они сами цивилизацией. Следовательно, психологически необходимым и желаемым для среднего китайца является идентификация себя с великой страной, империей, центром силы. Получается, традиций демократии, индивидуализма и внегосударственной самодостаточности в Китае не было, следствием чего является предпочтение «сильной руки» либерализму.

Если китаец выбирает для себя указанные концепции, то его этноментальная принадлежность определяется как собственно китайская.

³⁷ Матвеева Ю.В. "Формирование и основные особенности менталитета китайцев" Культура. Духовность. Общество, № 1, 2012, С. 266–270.

³⁸ там же

Вывод таков: в методе распознавания этноментальной принадлежности индивида высказанные им самим слова должны быть подвергнуты строгой критике; на втором месте

по важности должны стоять предпочтения и анализ аффектов, вызываемых определенными социально-политическими, социально-экономическими и социокультурными шаблонами и предложениями; основной же путь познания этноментальной ориентации должен основываться на принципе «по делам их узнаете их». Важно принять во внимание и обязательное наличие ментальных универсалий, черт характерных всем народам вообще или всем народам региона, культурного круга.

Глава II. Менталитеты в разных странах

В Германии и Австрии

Немецкая и австрийская культуры, несмотря на явное эстетическое сходство, отличаются во многих деталях. Несмотря на то, что немцы и австрийцы говорят на одном языке и, как правило, объединяются в один этнос, эти общества, имеют свои особенности этногенеза и, следовательно, имеет место определенная дифференциация. Соответственно, анализ причин этой дифференциации с этногенеза и стоит начать. Сперва только кратко охарактеризуем менталитеты немцев и австрийцев.

Немецкими чертами называют пунктуальность, рационализм, подчинённость правилам, практичность, скромность, индивидуализм, инициативность, критическое отношение к среде, сдержанность и эстетическую строгость, перфекционизм, определенную закрытость, законопослушность, педантичность^{1 2 3}; австрийскими – дипломатичность и умение строить общение, находить компромисс, пунктуальность, индивидуализм, нерешительность, любовь к порядку, неторопливость, гораздо большая расслабленность и открытость, ценность элегантности, музыкальность^{4 5 6}.

По большинству указанных выше характеристик немцы и австрийцы довольно схожи. Но также сразу можно заметить разницу между этими двумя менталитетами: в сравнении с немецким австрийский, с одной стороны, легче и мягче, с другой, более изысканный.

¹ Patrick L. Schmidt, *The Psychology of Germans and Americans. A Historical Cultural Perspective*, Strasbourg 2012

² W. Renner, M. Wertz, B. Gula, S. Fritzsche, *Asymmetric Mutual Social Perception of Austrians and Germans: A Social Identity Approach Assessing Implicit and Explicit Attitudes*. – 2014.

³ Ефименко Е. А. "Австрийцы vs. немцы: истоки определения австрийского национального самосознания" *Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*, № 5–6, 2015, С. 48–53.

⁴ там же

⁵ Листова Н.М., *Австрийцы // Советская историческая энциклопедия*. В 16 томах. – М.: Советская энциклопедия. 1973–1982. Том 1. ААЛТОНЕН – АЯНЫ. 1961

⁶ Оришев А. Б. "Австрийцы: социокультурный портрет" *Вестник экспериментального образования*, № 1 (18), 2019, С. 1–12.

И хотя эти отличия касаются деталей, они дают основание считать, что перед нами не то, чтобы два разных народа- этноса (наука объединяет немцев-жителей Германии и австрийцев в немцев в широком смысле), но мы, поскольку имеем два разных народных духа и две несколько отличающихся друг от друга культуры, точно можем говорить об австрийцах как о немецком субэтнотом. Австрийцы – не отдельный этнос, но это и не та же самая культурная общность, что немцы. Отсюда понятно, что австрийская идентичность действительно имеет полное право на существование, а сами немцы и австрийцы при описании друг друга указывают на специфические черты национального характера, например, они австрийцы считают немцев склонными к спору, а сами австрийцы считаются немцами более склонными к дипломатизму⁷.

Что касается тех черт, которые у австрийцев и немцев сходятся, а таковых большинство, то это объясняется их общим – в большей или меньшей степени (в зависимости от конкретной

части территории германского мира) – фундаментом из соединения кельтских и германских племён (кельто-германские исторические традиции)⁸.

Чтобы найти источники различий, нужно отдельно проанализировать южногерманский и австрийский этногенез. Вернемся к кельтам. Кельты, жившие в горах и в окружении лесов, были по своему этническому психологическому складу упорными и индивидуалистичными (Гальштатская культура), их духовная культура отличалась выразительностью, мягкостью и драматичностью⁹. Эти качества были дополнены южным настроением иллирийцев, что в совокупности повлияло на становление более мягкой и неторопливой австрийской «души» (венская душевность)¹⁰.

⁷ W. Renner, M. Wertz, B. Gula, S. Fritzsche, *Asymmetric Mutual Social Perception of Austrians and Germans: A Social Identity Approach Assessing Implicit and Explicit Attitudes*. – 2014.

⁸ Л. П. Белковец, С. А. Васютин, Е. П. Глушанин и др., *История Германии: учебное пособие: в 3 тт. / Под общ. ред. Б. Бонвеча, Ю. В. Галактионова*. – М.: КДУ, 2008. – Т. 1: С древнейших времен до создания Германской империи.

⁹ Сидоренко Л.В., *История малых стран Европы. Часть II: Государства Альпийского региона (Австрия, Швейцария, Лихтенштейн)*. Учебное пособие. – Санкт-Петербург. – 2016.

¹⁰ Цветков Ю. Л. "К специфике австрийского национального кода в литературе и музыке: истоки игрового начала" *Российский гуманитарный журнал*, Т. 5, № 1, 2016, с. 36–43.

Древним германцам, особенно северным (лангобарды, саксоны, свевы, херуски), были характерны серьезность и индивидуализм, прагматизм и инициативность, критическое отношение к своей среде и стране, мобильность, отсутствие культа государства. Эти качества развились благодаря специфическим имущественным отношениям и особенностям быта (в описаниях германских племен есть сведения об их географической мобильности, малой степени оседлости и аскетизме, о высокой степени личного статуса и сравнительной отдаленности от власти (военная демократия), а также о развитой правовой системе со штрафами)¹¹. Должно быть, именно эти качества этнического характера в дальнейшем приведут к Реформации в христианстве и появлению и укреплению лютеранства, а также к продолжению немецкой законопослушности, зарегулированности и прагматичности. Также германская историческая традиция дала начала выборной власти (наличие совета старейшин) и социальной ответственности (тогда – перед общиной). Германский пласт сильно повлиял на кельтскую основу, сделав новый этнический дух строже и прагматичнее.

Отметим, что на севере современной Германии указанное влияние германской культуры заметно в большей степени, чем на юге или чем на территории современной Австрии: в этом регионе выразительная и мечтательная кельтская с альпийской психологической спецификой традиция (реты, Гальштатская культура с этрусским художественным и человекоцентричным влиянием¹² с ценностью восприятия ландшафта и выражения этого восприятия в романтизме культуры и, позднее, в пасторальности культуры) выражена несколько сильнее, что в течение нескольких веков выражалось в специфической баварской культуре с её большей открытостью и художественной изысканностью, а также, например, в композициях венской музыкальной классики. Что касается Австрии, германское влияние туда пришло позже – в IV–V веках.

¹¹ Камардин А. А. "ОБРАЗ ЖИЗНИ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ДРЕВНИХ ГЕРМАНЦЕВ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ

ЦЕЗАРЯ И ТАЦИТА" *Скиф. Вопросы студенческой науки*, № 9 (61), 2021, С. 86–98.

¹² Сидоренко Л.В., История малых стран Европы. Часть II: Государства Альпийского региона (Австрия, Швейцария, Лихтенштейн). Учебное пособие. – Санкт-Петербург – 2016.

Классическую западную, то есть европейскую форму выражению кельтского духа дал римский исторический пласт, закрепив на новом уровне архетипы права, гражданственности, рационализма и всего остального, что связывают с классической высокой западной культурой. А пришедшие в Австрию германцы (маркоманы, лангобарды) внесли уже свои социально-культурные институты в менталитет (германские черты мы обозначили). В Германии только юг и частично запад были под прямым римским владычеством, поэтому западную, то есть романскую политическую, духовную и художественную форму германцы перенимали с западноевропейских территорий после падения Западной Римской империи. Германцы легко перенимали местное (римское право) и смогли ассимилироваться, а значит, германцы способны были привнести западную культуру в саму Германию. В плане исторической евроориентированности, принадлежности к Западу как к цивилизации, Германия и Австрия отличаются способом установления у себя этого «классического западного».

Австрийский субэтнос сформировался, когда был дополнен славянским (Карантанская культура) и придунайским (гунны) вливаниями. Славянский быт был традиционно коллективистским, а славянская культура была тесно связана с природой; гармония с природой и близость к ней являлась одной из основ славянского фольклора и мифологии¹³. Должно быть, славянский компонент в дополнение к автохтонному альпийскому усилил в австрийском этнопсихологическом складе любовь к природе и природным мотивам. Отсюда же следует чуть меньшая, в сравнении с Германией, степень индивидуализма. Гунны вели вольный, но не легитимный образ жизни: кочевники часто совершали набеги и считались жестокими варварами. Можно упомянуть также их общинно-клановую систему. Но пришедший с востока гуннский компонент существенно не повлиял на будущий этносоциальный склад австрийцев, не дал историческую традицию¹⁴.

¹³ Апенюк (Черкасова) Р. С. "Психологические идеи в контексте древней славянской культуры" Социально-экономические явления и процессы, Т. 9, № 3, 2014, С. 217–222.

¹⁴ Лозовик Д.С. "Образ жизни империи гуннов" Сибирский торгово-экономический журнал, № 3 (24), 2016, С. 73–75.

Здесь мы можем заметить, как постепенно складывались немецкий рациональный и австрийский более человекоцентричный этнические характеры. К периоду Средневековья значительные этнические смешения на территории Германии и Австрии завершаются, а на социокультурную реальность оказывают большое влияние христианство и – в дальнейшем – долгие и прочные политические курсы.

Христианская традиция не совсем общая для Германии и Австрии. Конечно, в основе лежит общехристианская этика смирения, приземленности, аскетизма, критики человеческих пороков, но в дальнейшем христианство в эти страны получит разное развитие: в Германии произойдет Реформация и установится лютеранская этика, в Австрии преобладающим будет католицизм.

Особо важным в истории Реформации в Германии представляется этнический компонент. Несмотря на то, что протестантские настроения росли во множестве исторических условий и на ход Реформации оказали воздействие экономика, политика и отдельные личности, как сам Мартин Лютер, который стал лидером и лицом Реформации, мы, всё же, полагаем, что германский этнопсихологический склад тоже принял непосредственное участие в формировании протестантского мировоззрения. Те черты германцев, которые мы обозначили в разборе

этногенеза, бессознательно были вплетены в это христианское течение: минимум авторитетов и атрибутов, особый аскетизм, индивидуализм и личная духовная ответственность, трудолюбие, рационализм, бережливость. Это же станет основой капиталистической протестантской этики в Великобритании (стране с сильным германским компонентом) и архетипа «немецкого качества». Можно сказать, германский этнический дух воспроизвел сам себя в новой форме, и выработался новый пласт этнического коллективного бессознательного.

Между тем, Бавария (юг Германии) и Австрия остаются преимущественно католическими. Гораздо более смиренное и эмоциональное католичество смогло укрепиться в этих германских регионах, как кажется, отчасти благодаря историческим условиям, но также отчасти благодаря более мягкому южному кельто-германскому духу в этом регионе. Тем не менее, многие их принципов протестантской этики работают и в Австрии, и в Германии. Причина тому очевидна – сильный германский компонент.

Ещё одним важным историко-психологическим пластом народного склада в регионе является концепт Священной Римской империи. Этот концепт общий для Германии и Австрии (а также для некоторых других регионов). И нас здесь не столько интересует, каковой была действительность в Священной Римской империи. Это сложно оценить из-за огромного множества эпох в её истории и огромного количества этносов и различных сил в союзе. Нас интересует именно концепт, то есть те социальные, культурные, цивилизационные архетипы, которые в процессе их долгого повторения и фигурирования в общественном сознании вошли в коллективное бессознательное – менталитет и которые влияют на цивилизационную ориентацию народов, входивших в эту империю. Концепт Священной Римской империи включал в себя следующее: преемственность античной (Римской) культуры, идеализация античного Рима, панхристианский мир и его защита, создание блаженного государства с лучшим устройством¹⁵. Этот ментальный пласт в том числе, несмотря на то что на деле реализация концепта Священноримской империи все время встречалась с серьезными вызовами, определяет не только абсолютно прочную психологическую принадлежность Германии и Австрии к Западу, но и характерное немцам и австрийцам устремление к высокому уровню жизни, к благополучию. Концепция, повторимся, дала определенный пласт менталитетов народов указанных стран.

Прочие периоды истории не отличаются активным этногенезом, далее наблюдаются различные эпохи династий, государств, империй, а также формирование наций, которые строились на этнической базе.

¹⁵ Рапп, Ф., Священная Римская империя германской нации / Франсис Рапп; пер. с фр. М.В. Ковальковой. – СПб.: Евразия, 2009. – 427, [5] с.

Мы рассмотрели все основные факторы, повлиявшие на формирование этнопсихологических складов немцев и австрийцев, на формирование их общих и отличных черт.

Подводя итоги, скажем, что первопричинами отличий быта, социальной культуры, стереотипов поведения, общественной действительности и духовной специфики культуры являются тонкости этнических различий немцев и австрийцев. Сравнение деталей национальных характеров и менталитетов немцев (северных и южных) и австрийцев хорошо показывает неоднородность, разнообразие германского мира.

В Италии

В контексте Италии сложно говорить об «итальянском народе», поскольку разные регионы этой страны имели разные этнические субстраты и суперстраты, прошли разный этноге-

нез. Италия – страна ярко выраженных субэтнических. Так, на севере основу составили галлы, вены и другие, на юге – оски, мессапы и другие, а на территории между ними – этруски, умбры и другие народы. Все это общеизвестно. И мы считаем принципиально важным остановиться уже здесь, до упоминания дальнейшего этногенеза в Италии.

Обратим внимание на этрусков. Что нам известно об их древней цивилизации? Во-первых, они рано начали торговать с внешним миром и рано пришли к социальному расслоению. Во-вторых, у этрусков была развита система городов-полисов. В-третьих, этрусская культура была языческой, что, впрочем, не уникально для той эпохи. В-четвертых, культуру этрусков называют высокой¹⁶.

Прокомментируем пункты. Первый пункт говорит о ранней торговле, о том, что характерно многим ранним народам запада, живших у моря. Естественно полагать, что это обстоятельство является именно тем первой предпосылкой будущего европейского экономического благополучия, в Италии сильнее заметного на севере страны, например, в Тоскане.

¹⁶ Г.И. Соколов, Искусство этрусков. (Б.м.), 1990.

Должно быть умение договариваться, торговать заложило основу для традиционного процветания северной Италии. Второй пункт разве говорит о заложенной в древности раздробленности, которая, затем, более или менее проявляясь и соединяясь с фактом изначального разнообразия Апеннин, привела к внутрирегиональному разнообразию в Италии. Третий пункт для нас здесь не особо важен. Четвертый же пункт может сказать о том, что особая тонкость итальянского вкуса в искусстве, первые традиции гармонии и элегантности в культуре Тосканы и Эмилии-Романьи, а оттуда и далее, в Риме (Лацио), Ломбардии и т. д. зародились именно здесь, у этрусков. Этрусский компонент представляется здесь основой традиции «чувства прекрасного» у итальянцев, их стремления к созданию произведений искусства. Это, как мы считаем, идёт из глубинной психологии северных итальянцев, многие из которых – потомки этрусков. Этруски в свою очередь, должно быть, обрели эту традицию отчасти благодаря эллинскому влиянию на этрусское искусство, а отчасти благодаря более раннему импринтингу (психологический термин), который оказал влияние ещё на более раннее, собственно этническое творчество. Суть импринтинга в том, что перед этрусками открывались уникальные просторы – живые, сочные луга Италии, тёплый климат, море, чудесный рельеф. Это всё, должно быть, «впечаталось» в коллективную психологию этрусков. С VIII до I века до нашей эры искусство этрусков проделало большой путь и пришло к изящной пластике, развитой живописи, искусно расписанной керамике. Новую силу итальянский эстетизм обрел в римскую эпоху, дойдя с помощью соединения с античными греческими традициями до совершенства. Затем, уже в Эпоху Возрождения и в последующие века – через итальянцев севера это всё вылилось в самобытную, высокую и элегантную эстетику Флоренции, Сиены, Болоньи и других городов Италии с их школами живописи, яркой разноцветной или сдержанно-пастельной архитектурой, скульптурой, созданными этническими пассионариями. Более того, известен факт, что творцы Ренессанса нередко вдохновлялись искусством этрусков.

Вернемся к пункту о благосостоянии. Римская эпоха ознаменовалась строительством нового пласта менталитета, общего для Западной Европы и отвечающего за благополучие западной цивилизации. Мы имеем в виду такие новые бессознательные установки, как 1) понимание ценности развитого права, либерализма свободы, 2) культ рационализма, следствием чего стало быстрое развитие науки и, например, пропорциональное строительство красивых квартальных городов, 3) институт гражданственности и многие другие. В разных частях Римской республики и затем империи это было глубоко укоренено в разное время и с разной эффективностью, но конкретно на севере Италии это всё прижилось очень хорошо¹⁷. Впослед-

ствии римский пласт культуры был подкреплён концептами Священной Римской империи как страны- воплощения «Царства Божьего», которые в Италии особенно хорошо осели на севере. В современности это культурное влияние наблюдается в социально-экономической статистике, которая говорит о высоком уровне свобод и благосостояния жителей регионов итальянского севера.

Впрочем, институты демократии и развитая торговля начали привноситься ещё греками и были особенно подкреплены Римской эпохой, и на юге Италии это тоже составило пласт менталитета. Но, например, на Сицилии чрезвычайно долгая эпоха феодализма – византийского, нормандского, сицилийского, который держался там сильно дольше, чем в остальной Западной Европе, сформировала культурный противовес – иной пласт исторического опыта этого субэтнуса. Суть его заключается в укоренившейся клановости и, как следствие, в институтах кумовства и усиленной коррупции. Так, что институт семейственности является сильным у южных итальянцев.

В дополнение в местный народный дух арабами была привнесена некоторая доля восточной хаотичности, отражение которой видится как в своеобразном сицилийском градостроении, когда некоторые старинные кварталы немного напоминают восточные, отличаясь от более привычных домиков европейского (например, тосканского или окситанского стиля) (при этом, многие улицы, например, Палермо выверены подобно обычным северным), так и в дорожном движении, так и в меньшей степени ухоженности и чистоты, чем в северных городах, хотя причины последней лежат также и в простой нехватке средств в городах. В архитектуре нередко заметны элементы со сложным арабским орнаментом, что тоже сильно отличает сицилийские здания от зданий на севере страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.